

— Посиди, Тяпочка, мамочка сейчас вернется! — Миниатюрная сухонькая старушка с аккуратно завитыми волосками и подведенными розовым бантиком губами привязала маленькую грязно-белую болонку к оконной решетке и вошла в магазин.

Болонка, не теряя времени даром, принялась заигрывать с мрачным черным ризеншнауцером, который дожидался своего хозяина в двух шагах от нее.

Ризеншнауцер не очень заинтересовался ее заигрываниями, он предпочитал брюнеток, зато жизнерадостный фокстерьер, привязанный к соседнему окну, едва не выскочил из ошейника, пытаясь показать очаровательной блондинке, что не прочь познакомиться с ней, причем с самыми серьезными намерениями. В сей же миг к их компании присоединился французский бульдог, который тоже поднял лай.

Миниатюрная старушка тем временем, купив батон «Подмосковный» и пачку зеленого чая, остановилась возле выхода из магазина перед красиво отпечатанным на лазерном принтере объявлением о найме на работу.

Она огляделась по сторонам, надела кокетливые очки в розовой пластмассовой оправе, достала из сумки шариковую ручку с логотипом известного клуба и принялась тщательно переписывать объявление в свой блокнот.

«Магазину срочно требуются кассиры-контролеры на оклад такой-то... грузчики без вредных привычек на оклад такой-то... администратор со стажем работы по специальности на оклад такой-то... товаровед с опытом работы по продовольственной группе...»

— Бабуль, ты что, в грузчики наниматься хочешь? — осведомился, остановившись за спиной старушки, здоровенный небритый детина в давно не стиранном халате.

— Ох, напугал, окаянный! — вскрикнула старушка, оглянувшись, и захлопнула блокнот. — А тебе-то что за дело? Может, я к вам администратором устроюсь! Начальником твоим буду! Вот тогда попляшешь у меня!

— Ага, администратором! — хмыкнул грузчик. — Только тебя тут и ждали! Тебе, бабка, скоро придется администратором на том свете устраиваться!

— Типун тебе на язык, бескультурник! — Старушка неприязненно взглянула на грузчика и направилась к выходу.

В дверях она на мгновение задержалась и бросила через плечо:

— Это еще очень большой вопрос, кто из нас первый окачурится! Вон у тебя носище какой красный!

Она выскочила из магазина, не дожидаясь ответа, и увидела собачью драку в самом разгаре. Французский бульдог вцепился в заднюю лапу ризеншнауцера, фокстерьер вертелся вокруг, пытаясь кого-нибудь укусить, и только старушкина болонка сидела в уголке с самым невинным видом, как будто все происходящее не имеет к ней никакого отношения.

— Тяпочка, бедненькая, пойдем скорее отсюда! — запричитала хозяйка, отвязывая поводок от решетки. — Ну до чего же невоспитанные собаки в наше время! На секунду нельзя оставить приличную девочку!

Отвязав Тяпочку, она заторопилась домой.

Болонка, правда, норовила задержаться, чтобы досмотреть драку, но хозяйка потянула ее к дому, приговаривая:

— Пойдем домой, моя ласточка! Мамочке нужно работать, зарабатывать Тяпе на косточки...

Дома, наспех вытерев болонке лапы, старушка прошла в комнату, задернула плотные шторы и включила настольную лампу. Только после этого она открыла блокнот с записями и наложила на списанное объявление пластмассовый трафарет с прорезями. Надев очки, она переписала на сле-

дующую страницу блокнота показавшиеся в про-
резях трафарета буквы и цифры.

Закончив эту работу, старушка сняла трубку
телефона и набрала знакомый номер.

— Регистратура! — раздался в трубке слегка
простуженный голос.

— Запишите меня к лору на четырнадцатое на
восемь тридцать, — проговорила старушка, ин-
стинктивно понизив голос. — А еще к невропато-
логу на двадцать второе на тринадцать двадцать
восемь и к терапевту на десятое, на шесть сорок
одну...

Выслушав короткий ответ, она повесила труб-
ку, вырвала из блокнота исписанные страницы,
сожгла их в пепельнице и только после этого от-
правилась кормить болонку.

Тяпа терпеливо дожидалась ее на кухне: она
знала, что для хозяйки работа — на первом месте.
Но зато она, Тяпа, несомненно, на втором.

Дородная блондинка в регистратуре участковой
поликлиники убрала в ящик бланк клинического
анализа мочи, на котором она записала продикто-
ванные старушкой цифры. Ей нужно было срочно
позвонить по телефону, но очередь в окошечко
стояла огромная.

«Как осень, так они все болеют, — с тоской по-
думала блондинка, — да еще нормальных людей
заражают...»

Под «нормальными» она понимала себя и еще нескольких коллег по регистратуре. Все остальные были вздорными, склочными, скандальными больными, по которым не то что обычная больница — психушка давно плачет.

— Мне к гастроэнтерологу! — требовал желчный худой мужчина с запавшими глазами.

— К гастроэнтерологу запись в начале месяца! — отчеканила регистраторша.

— А если плохо очень? — заикнулся больной.

— Как это, гражданин, вам может быть плохо, если вы до поликлиники дошли собственными ногами? — хрипло удивилась блондинка и взглянула на часы.

Время поджимало, ее звонка уже ждут. Печеночника оттеснила крупная тетка в темных очках.

— Глазной в каком кабинете?

— Там в талоне написано, — буркнула регистраторша, — очки снимите, и увидите!

— Так я же потому к главному и иду, что не вижу ни черта! — рявкнула тетка, но регистраторша и бровью не повела, поскольку ее защищала стенка из суперпрочной пластмассы, а в крошечное окошко можно было просунуть только ладонь.

Тетка уронила номерок и скрылась вниз, а регистраторша только было схватилась за заветный бланк, как открылась дверь и вошла коллега Аллочка.

— Маргарита Пална, вы сегодня до сколько будете?

— До восьми! — раздраженно процедила регистраторша, с грохотом задвинув ящик.

— Тогда я сумку у вас оставлю, Лешик зайдет и заберет!

Лешик был Аллочкин муж — хилый, незavidный мужичонка с жиденькой клочковатой бородкой и нетвердой заплетающейся походкой, но у Маргариты Павловны не было вообще никакого мужа, да что там — ни сердечного друга, ни соседа, изредка захаживающего провести вечерок, тоже не было, так что она завидовала и Аллочке.

У окошка шла возня — тетку в темных очках пытался подвинуть здоровенный бугай с красной рожей и маленькими злыми, как у кабана, глазками. Тетка была крепка, даром что со зрением плохо, и не хотела сдавать позиции. Тогда парень всем весом наступил ей на ногу. Тетка взвыла и, забыв про окулиста, похромала к хирургу.

— Мне на флюшку! — гаркнул парень в окошко.

Маргарита Павловна мгновенно оценила его габариты, и рука ее сама выписала талончик, хотя из рентгенологии звонили и орали в трубку, чтобы не смели присылать людей, потому что у них там столпотворение, установка раскалилась чуть не добела.

— Что вы там возитесь? — прошипел парень, в нетерпении всунул руку в окошко едва не по плечо, схватил талончик и застрял.

Окошко, как уже говорилось, было маленькое, а парень накачанный. Он бестолково топтался, но рука никак не хотела сгибаться под нужным углом. Парень попытался выломать всю прозрачную стенку вместе с окошком, но там все было сделано на совесть. Очередь волновалась сзади и давала не-квалифицированные советы. Три старухи кружили вокруг парня, шипели возмущенно, а одна, больше всех похожая на ворону, ткнула его в спину черным зонтиком.

Маргарита Павловна воспользовалась ситуацией. Она достала с полки справочник «Здоровье школьника», открыла его на заложенной странице, где находилась сводная таблица соответствия роста, веса и возраста детей от десяти до тринадцати лет. Подставив в таблицу числа, записанные на анализе мочи, регистраторша получила еще один набор цифр и потянулась к телефону. Но старухи сильно активизировали свою деятельность. Они пытались парня щипать, но он весь был как налитой, тогда та, что с зонтиком, ткнула его в зад шпилькой. Парень взвизгнул и чудом выдернул руку, повалившись на пол вместе со всей очередью. Маргарита Павловна тут же задвинула окошко и по памяти набрала номер телефона.

— Фирма «Рекламосервис»? — спросила она самым деловым тоном. — Заказ на постер примите, пожалуйста...

И продиктовала в трубку нужные цифры.

Около огромного рекламного щита на углу проспекта Авантюристов и улицы Упирающихся остановилась оранжевая машина с надписью «Рекламосервис». Двое крепеньких мужичков в комбинезонах с такой же надписью забрались в подъемную люльку, водитель включил двигатель, поднял их к щиту. Рабочие, оживленно переговариваясь и сдабривая свою речь бодрым утренним матерком, принялись наклеивать на щит новую рекламу. Поверх плаката, призывающего вкладывать свои кровные сбережения в инвестиционный фонд «Наперсток», они наклеивали листы с изображением аппетитной розовой колбасы.

Из окна точечного шестнадцатиэтажного дома за их работой внимательно наблюдал представительный мужчина с седыми висками. Подкрутив колесико бинокля, он увеличил резкость и разглядел рекламу, сложившуюся из отдельных фрагментов, как складывается пазл из маленьких ярких кусочков.

Реклама эта сообщала, что только с пятнадцатого по двадцать пятое октября в сети продовольственных магазинов «Кошелка» колбаса «Председательская» будет продаваться по уникальной цене сто пятнадцать рублей за килограмм.

Мужчина с седыми висками для верности еще раз перечитал текст рекламного постера, аккуратно записал его на листок и снял трубку телефона.

— Примите, пожалуйста, объявление, — проговорил он, как только ему ответили. — Текст такой: антиквар дорого купит старинный пистолет эпохи англо-бурской войны. Телефон 25–10–115... оплачу по срочному тарифу, поставьте мое объявление в сегодняшний номер и публикуйте три дня подряд...

Гоша Маргариткин, сотрудник рекламного отдела газеты, который принял объявление «антиквара», тут же связался с дежурным оператором, набирающим тексты объявлений для сегодняшнего номера, и принялся диктовать ему срочное объявление:

— Антиквар дорого купит старинный пистолет...

В это время у него в кармане зазвонил мобильный телефон.

Гоша жил вдвоем с пожилой мамой, он очень беспокоился о мамином здоровье и поэтому никогда не выключал телефон: мало ли что.

И на этот раз, увидев на дисплее, что звонит мама, он тут же ответил.

— Герочка, ты ходил в магазин? — осведомилась мама, едва услышала его голос.

— Ходил, мама, ходил... — Гоша понял, что с мамой все в порядке, и хотел поскорее завершить разговор и продолжить исполнять свои должностные обязанности. Начальник коммерческого отде-

ла и так уже недобро на него посматривал, а косые взгляды начальника нередко заканчиваются увольнением. Кроме того, он очень не любил, когда его называют Герочкой. Это имя казалось ему не мужским.

— И что ты там купил? — продолжала мама допрос.

— Мама, я на работе! — отозвался Гоша. — Я не могу долго разговаривать! Я потом сам тебе перезвоню...

— Знаю я, как ты перезвонишь! — В мамином голосе прозвучала обида. — У тебя уже нет пяти минут для родной матери... когда я умру, тебе никто не будет мешать!

— Мама, ну что ты говоришь...

— Ну что там с этим объявлением? — нетерпеливо осведомился оператор из другой трубки.

— Телефон антиквара... — проговорил Гоша, сверяясь с текстом, — телефон двадцать пять — десять...

— Какой еще телефон? — возмущалась мама в мобильнике. — Ну хоть сметану ты купил? Или опять забыл?

— Купил, мама!

— Какую? Надеюсь, не эту пятнадцатипроцентную гадость, которую я не выношу? Ты помнишь, что я ем сметану только двадцати процентов жирности?

— Да, мама, конечно, мама... двадцать процентов...

— Когда я умру, — не унималась мама, — когда я умру от твоего невнимания, кто будет обо всем тебе напоминать?

— Что? — переспросил оператор. — Какой телефон?

— Двадцать пять — десять — сто двадцать! — машинально ответил ему Гоша, сбитый с толку машиной двадцатипроцентной сметаной.

И внимательный оператор набрал на клавиатуре своего компьютера неверный номер.

Пожилой бомж, заросший до самых глаз густой кудлатой бородой неопределенного цвета, подошел к станции метро. Разбитные тетki в теплых форменных куртках и светлых когда-то шерстяных перчатках, потемневших от типографской краски, раздавали прохожим свежий номер рекламной газеты.

— Берем газету! — выкрикивала одна из них хорошо поставленным голосом. — Не проходим мимо! Гороскоп на новую неделю! Узнаем свою судьбу! Программа передач! Занзибарский кроссворд! Будет чем заняться в метро!

Бомж протянул руку за газетой, и распространительница привычным жестом вложила в грязную руку свежий номер. Ей было совершенно все